

фантастическая
история

Книги Марика Лернера
в серии «Фантастическая История»

МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ
МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ. ВОСТОК

СОВСЕМ НЕ ПРОГРЕССОР

ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ВРАТА УЧЕНОСТИ
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ПОСТРОИТЬ БУДУЩЕЕ
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ПОБЕДИТЕЛЕЙ СУДЯТ ПОТОМКИ

КОЛОНИСТ
ФЕДЕРАЛИСТ

МОСКВА, 2017

фантастическая
история

Марик Лернер

Федералист

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 2010 году
Выпуск 125

Лернер М.

Л49 **Федералист: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 313 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2545-7

Так ли просто нести знания из будущего? Конечно, прогресс — великое дело. Ты даришь его предкам, не забывая и себя. Так? Не совсем. Спросить самих людей, случайно, не забыл? Может, им не по душе конвейер и усиленная эксплуатация. Они почему-то не прониклись идеей стараться за ту же зарплату больше.

Да и вообще, мир не крутится вокруг главных героев. Они исключительно в собственных глазах таковые. Придется нехотя плыть по течению. Туда, куда несет политика, совсем другими придуманная. И вынужден снова и снова сражаться, отстаивая даже не убеждения и собственное имущество, а общее благо. А вместо благодарности исключительно недовольные.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марик Лернер, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2545-7

Часть первая

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Глава 1

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ НЕПОЛАДКИ

Время перевалило за полдень, а мы продолжали нестись в бешеном темпе, загоняя коней. Их копыта выбивали грязь, швыряя ее в лицо тем, кто скакал сзади, но дорога была достаточно широкой, чтобы идти шеренгой. Кому-то приходилось несладко, но все же никто не переломал ног и не свалился. Последний рывок, и я придержал тяжело дышавшего жеребца на пригорке, озадаченно уставившись вниз. Завод, как и находящееся по соседству производство, продолжал работать, судя по дыму и движению, не наблюдалось толп и прочих беспорядков.

Здесьшний округ совершенно не подходил под плантации. Вся территория была пересечена глубокими и узкими оврагами. Неудивительно, что почти сорок квадратных миль власти колонии (позабыв на время о дез Эссаре) отдали за ничтожную сумму. Зато под наши цели местность идеально подходила. Точнее, так объяснили профессионалы. Именно такое положение давало возможность очень удобно располагать металлургические заводы. Доменные печи ставились обыкновенно в самой низменной части долины и одной своей стороной были прислонены к склону холмов, окаймлявших долину. Кроме того, рядом железная руда и река, по которой доставляли уголь с отрогов гор.

— Чегой-то непохоже на бунт, — озвучил очень четко мою мысль Гош, столь же внимательно осматривающийся по соседству.

Когда примчался посыльный с паническим сообщением от Реми Экзельмана, директора завода, я сразу поднял личного убийцу вместе с его людьми. Иногда без готовых выпустить кишки по приказу любому приличному хозяину не обойтись и проще держать возле себя с десяток головорезов, чем потом

плакать. Да и беглых сервентов и рабов кому-то отлавливать приходится, — так проще доверить знакомым. И лучше при этом не самому отдавать команды, а поручать помощнику. На то и имелся местье Гош Салюден, авантюрист и любитель риска, вытащенный когда-то из тюрьмы и не забывший благодеяния. Но сейчас требовалось срочно принимать меры, и посылать его во главе карательной экспедиции себе дороже. Кровь парни пустят с удовольствием, да не это требовалось. Впрочем, можно было заранее подумать. Экзельман, безусловно, человек знающий и очень полезный, но изрядный паникер и перестраховщик.

— Поехали разбираться, — сказал я и тронул коня.

Остальные двинулись следом, не пытаясь высказаться. Сам Гош по любому поводу имел свое единственно правильное мнение, а вот его соратники вечно помалкивали. Дисциплина у них была крепче армейской. Возражения и недовольство исключительно в свободное время. А кому не нравится — дорога свободна.

На пристани тоже все было нормально. Грузились баржи, и многочисленные работники таскали грузы. Причем не на собственных плечах или в телегах. Технический специалист всего здешнего производства инженер Пьер Рейнольдс уложил чугунные рельсы не только на заводе, но и к руднику, и к реке. По ним ходили тележки с грузом, и требовалось намного меньше транспорта. Одна лошадь с успехом заменяла несколько тяжелых телег с возчиками, экономя деньги и рабочие руки.

Надо сказать, что лишь здесь, не считая шахт с углем и железом, работает на различных производствах добрых семь сотен человек, и людей все равно постоянно не хватает. Во многих местах вынужденно используются женщины и дети. Не самый плохой вариант для семей: не просто заняты делом, еще и приносят жалованье домой.

Сейчас компания имела три большие доменные печи. Чуть выше их, на холмах, расположены печи для обжига, откуда руда с углем спускалась в пышущие жаром топки печей прямо по наклонным плоскостям. Чтобы получить тонну стали, нужно было сначала добыть полторы тонны железной руды и столько же угля, превратить последний в кокс и переправить на расстояние пятьдесят миль по реке. Кроме того, надо было добыть тонну известняка.

Возле каждой домны находился рафинировочный горн. Дело в том, что чугун содержал много примесей. Для выработки хороших сортов железа требовалась предварительно переплавка: отбелка, или рафинировка. Но и это промежуточная ступень. Полученный продукт необходимо превратить в ковкое железо. Пудлинговые печи и были тем орудием, где совершалось это действие. Две тонны в день и семьсот в год с одной печи — вот выход продукции. Хочешь получать больше — расширяйся. Это предполагает новые немалые вложения.

Пудлинговщик получал по три ливра с тонны доменного чугуна и по два и три четверти ливра с тонны рафинированного чугуна, переделанного в железо. Работали они по двенадцать часов в день, и это был максимальный заработок на заводе рабочего. На доменных печах и в каменноугольных шахтах зарабатывали по полтора-два ливра в день, а чернорабочим платили от половины до одного ливра. Безусловно труд тяжелейший, но мне в бытность батраком столько не светило.

Люди уже заметили нас и оборачивались, возбужденно переговариваясь. Чужаки на пристани — отнюдь не причина открывать рот. Тут регулярно бывают десятки, а то и сотни торговцев, речников и ищущих работу. Моя сталь лучшего качества идет в продажу по семьсот ливров за тонну. Между прочим, дешевле английской. Естественно, товар нарасхват. Но с самого начала в реализацию поступают не одни болванки и слитки. Немалая часть чугуна (выплавлялось в год до четырех тысяч тонн — прекраснейший результат) сразу переделывается в полосовое, обручное железо. Также прямо по соседству на мануфактурах производится проволока, гвозди, иголки, чеканы, напильники, ножевое полотно, сверла, токарные резцы, жесь, пряжки, пуговицы и инструменты. Все это находит прекрасный сбыт у мастеров-ремесленников и перекупщиков.

Но не только прекрасная сталь выходит из ворот. Здесь производится огромное количество горшков, котлов для сахароварения, плиты для очагов и каминов и всякое другое чугунное литье. Даже до шестидесяти миль водопроводных чугунных труб по заказу Нового Амстердама. Наша колония пока не особо стремится проводить воду издалека, а вот там уже проблемы возникли.

— Нервные какие-то, — пробурчал негромко Гош, с подозрением оглядываясь. — А! Вон те побежали о нас предупредить. Торопятся. Интересно, кого в первую очередь.

Я промолчал. Нечто неприятное все же случилось, хотя размер, кажется, изрядно преувеличен. Скоро выясню точно. Внезапно ко мне кинулась женщина уже в возрасте и бухнулась на колени прямо перед мордой жеребца, не думая, что может пострадать. Еле успел остановиться.

— Милорд, — вскричала она на всю улицу, — спасите моего Фреди, он ни в чем не виноват! Его забрали, а он ничего не делал!

— Обещаю разобраться, — ответил я, чувствуя множество взглядов. — Кто несправедливо обвинен, будет отпущен.

В данный момент это обещание ничего не стоит. С другой стороны, надо было что-то ответить.

— Убрать! — скомандовал Гош, и женщину оттащили в сторону, несмотря на сопротивление и попытки ухватиться за мой сапог. Зрелище малоприятное, как и крики про пятерых детей. Будто от этого нечто изменится. Совершил или нет — другое дело.

— Как фамилия твоего Фреда?

— Бойс, милорд, Фреди Бойс! — крикнула она.

Три минуты неспешного движения дальше — и возле роскошного особняка в уши опять бьет жуткий женский вопль. Так обычно рыдают профессиональные плакальщицы. Мне происходящее крайне не нравится, как и вышедший навстречу Билл Логард с рукой на перевязи и расцвеченной во все краски физиономией. Били всерьез.

— Глэн? — спросил я, спешившись.

— Он умер, — с постным лицом ответил Билл срывающимся голосом.

Парень не изображал скорбь. Если и был на свете некто искренне привязанный к рыжему жадюге, так это он. Взятый из прислуги и поднятый достаточно высоко, он лишился со смертью своего покровителя практически всего. Глэн неплохо ему платил, но ему и в голову не пришло выделить Биллу долю за помощь. Это только я такой дурачок.

— Жанет? — спросил про женщину, невольно морщась от очередного: «Ой, на кого ты нас оставил, мой дорогой муженек». Звучит достаточно дико, поскольку Глэн за все прошедшие годы и при наличии двух детей и третьего в брюхе не удосужился официально оформить отношения. Да и детей не признал. То есть никогда не отрицал родства, но никаких бумаг на этот счет не существует, за исключением записи о рождении в

церкви. Там отцом указали, хотя он не соизволил прибыть на крещение, сильно занятый очередным проектом.

Билл молча кивнул.

— Что произошло? — спросил я резко.

— У него была идея, что для безостановочного производства крайне важно точно замерить производимую каждым человеком операцию. Установить, кто обращается с материалом экономно, кто тратит его нерасчетливо и кто достигает наилучших результатов. Для эксперимента взять первейшего по производительности и качеству в цехе. Изучить точный набор элементарных движений при определенной работе и замерить количество затраченного времени. Потом устранить все лишние движения, добившись улучшения производительности труда. Решил начать с иголок.

Я раздраженно плюнул. Опять «умник» нарвался на реальность, руководствуясь представлениями двадцать первого века, великий теоретик по правильной технологии. Насмотрелся я в свое время, когда организовывал мануфактуру. Для получения обычной иголки выходит двадцать восемь операций по изготовлению — от резки проволоки до прокаливания в самом конце, не считая упаковки. И каждым действием занимаются отдельные люди. Нормальная, хорошо отработанная технология.

— Заставить всех работать по нормам лучшего, снизив расценки? — уточнил, уверенный в ответе.

— Если правильно совершать действия, мануфактура ведь начнет работать лучше! Вы же сами в свое время...

Ага, именно что сам. Обнаружив, что каждый является на угольный склад со своей личной лопатой и выработка выходит разная, так что и не разберешь, кто лучше, а кто хуже, взялся за инструмент и на собственной шкуре проверил. Поскольку земли в свое время выкопал немалое количество, ничуть не удивился, когда выяснилось: высший результат получается не с большей лопатой. Если набирать вместо тридцати восьми фунтов за один раз всего тридцать четыре, выработка на одного человека ежедневно растет с двадцати пяти до тридцати пяти тонн. После чего вызвал Рейнольдса и заставил того задуматься. Теперь на заводе выдают инструмент работникам и используется несколько типов лопат — от маленьких плоских для руды до огромных совков для размельченного угля и для кокса. Но я же не мерил по лучшим, чтобы заставить осталь-

ных выбиваться из сил за те же деньги! Улучшал организацию труда, а не выжимал все соки из людей.

— Кто-то прочухал, зачем меряет, и дали по голове?

— Там толпа собралась, — глядя под ноги, сказал Билл, — я ничего не смог сделать, его буквально втоптали в землю, но он еще жил.

— А люди?

— Человек десять посадили под замок из самых буйных, а остальные разошлись по местам, но думаю, скоро здесь все соберутся, как прослышат о вашем приезде. Они все равно не шибко трудятся.

Ну, это понятно, все с интересом ждут последствий. Спустить — недолго дожждаться повторения уже в серьезных масштабах. Тем более что смерть простить нельзя, и дело даже не в личности и ее близости ко мне. Преступление есть, за злодеяние кто-то должен ответить. И желательно конкретный, хотя придется разбираться всерьез.

— Дядя Ричард, — позвал детский голос, стоило шагнуть через порог.

— Хенрик? — обернувшись, удивился. Он даже не один, а с сестрой. Обычно мальчишки не любят таскаться с младшими. Ему уже седьмой, такой степенный мужичок, ей всего третий — совсем ребенок. — Вы почему здесь стоите?

— Это правда, — очень серьезно спросила девочка, — что отец ушел навсегда к боженьке?

— Ага, — замявшись, подтвердил. — Но ему там будет хорошо. Грехов на нем особых нет, прощение непременно получит и будет восседать в раю, вкушая... Ну все, что положено хорошим людям.

Взгляд у Хенрика определенно скептический. В отличие от сестры, он достаточно соображает, чтобы сознавать свое и матери двусмысленное положение и не всегда приятное поведение Глена с подчиненными.

— А чего мама тогда так кричит? — очень логично спросила Полин.

Дура потому что, чуть не сорвалось с языка.

— Иногда поплакать полезно, для облегчения души. Вы идите к себе, я ее успокою и потом зайду.

— Обещаешь?

— Слово.

Вошел в комнату, где лежал на столе странно маленький человек, накрытый простыней. Приподнял ее, заглянув в лицо. Признать было достаточно сложно. Били всерьез, изувечив до жути. Выживи — наверняка остался бы скособоченным уродом на всю оставшуюся жизнь. Накрыл опять, оглядевшись.

В углу помещения в рядок торчали Глэновы рабы в количестве пяти штук — от кухарки до мальчика-прислуги, — изображая скорбь. Уж кого-кого, а хозяина они не любили. Тот лично никого не бил, зато запросто мог послать на порку за малейшую провинность. Я, в отличие от него, никогда не забывал прошлого и не любил унижать людей или издеваться без веской причины.

Положил руку на плечо Жанет, отчего она вздрогнула. Увлекшись завываниями, не заметила моего появления.

— Вот, — сказала она, показывая на покойника беспомощно. — И что теперь мне делать?

Жить дальше — правильный ответ. Но вслух я сказал другое:

— Ты пугаешь детей своими криками. Прекращай.

Она поспешно кивнула. С самого знакомства усвоила мое высокое положение по отношению к мужу и реагировала на любые слова, воспринимая в качестве прямого указания.

— Послать за священником, договориться насчет похорон, обмыть, переодеть, потом зайдешь к детям.

— Да, конечно.

В глазах появилась осмысленность. Появилась определенная цель. Нет, совсем душой она не была, пусть и не блистала. Практичная нормальная баба без особых запросов. Просто растерялась, когда внезапно завершилась приятная налаженная жизнь.

Мадам поднялась с колен, определенно с усилием, пришлось подать руку. Посмотрела на слуг и принялась четко отдавать распоряжения. Подождал слегка, убедился в правильном исполнении приказа и вышел за дверь. В ближайшее время мое присутствие здесь не требовалось. А вот на улице — безусловно.

Как и ожидалось, двор был уже полон народу. На крыльцо не залезли только потому, что парни Гоша сдерживали своим видом. У них на лбу написана готовность драться и стрелять. А это не бунт. Так, мелочь. На кровь идти не собираются. Сбе-

жались на зрелище. За воротами тоже черно от собравшегося люда.

— Вы все меня знаете, — бросил я в их лица, не особо напрягая глотку. С моим появлением пала тишина и слышно было достаточно далеко. — Кто виноват, а кто мимо проходил, разберусь обстоятельно. За смертоубийство отвечать придется непременно. Не стоит рассчитывать на снисхождение и оправдываться. Каждый отвечает за свои деяния лично.

— Сбегут, — еле слышно прошептал Гош.

В основном за тем и сказано. Вешать десятки участвовавших, а Билл определенно высказался про толпу, глупо. Выделить зачинщиков — еще та морока. А так сразу видно наиболее глупых и говорливых. И наверняка найдутся наушники, выслуживающиеся. Все в подробностях доложат.

— Вы все прекрасно помните, — продолжил я, — какими прибыли в Новый Свет и как живут кабальные слуги в других местах. Видимо, зря я вместо навечного превращения в рабов за кормежку строил дома, приглашал лекарок в больницу...

Каждый из работающих здесь платил за медицинское обслуживание сущую мелочь с головы, еще столько же я докладывал отдельно или выплачивал за сервентов целиком. На заводе и мануфактурах их довольно много. Вот рабов практически не имелось, как и на шахтах. Тут требовались добросовестные люди, а не из джунглей. Тех надо заставлять и обучать, а эти и сами готовы ломаться, чтобы заработать лишнее, перевыполнив урок.

В целом плата за услуги получалась немалая. Общая сумма шла на содержание специального здания, закупку лекарств, и остальное выплачивалось бегинкам, которые были обязаны принимать больных круглые сутки. На самом деле бывало поразному. Когда пусто, иногда густо. Стариков и с тяжелыми заболеваниями почти не было. Мои люди за редчайшим исключением переплыли в набитых до отказа трюмах океан. В духоте и вони, с паршивым питанием. Правда, и раньше они не особо жировали, иначе не вербовались бы. Выживали в дороге молодые и сильные. Теперь у многих появились дети, и они тоже включались в общий договор.

И все работники были в курсе, куда бежать с медицинскими проблемами и что обязательно примутся спасать, а в случае травмы на производстве даже инвалида на улицу не выкину. Не из любви к несчастным, а как раз чтобы знали разницу с другими и старались.

— ...И позволял торговать любому по нормальным ценам, не заставляя покупать исключительно в моих лавках по тройной цене.

Между прочим, тоже идея Глэна. У него таких, с прицелом обобрать работника до исподнего и привязать к хозяину, было полным-полно. Вроде закупки рабов вместо сервентов. А то учишь его, кормишь, а через пять лет он фьютъ — и сдернул. Вот давить людей прессом, выжимая дополнительный су, — тогда конечно. А если относиться нормально да предложить жалованье, куда он пойдет в большинстве случаев? В других местах не слаще, а земля тоже не бесплатная, да и на ней придется пахать не меньше прежнего. Вот и остаются получившие нужную квалификацию. Здесь они неплохо устроены. Специалистам уже не приходится жить в общем бараке, для них дома отдельные, с огородами. О, как стремятся к такому иные! Меня частенько не понимают с подобным отношением, но реально на моих мануфактурах производительность труда в полтора-два раза выше, чем где рабы используются. А всего-навсего надо поощрять слегка.

— Решили заставить использовать кнут? Это без проблем. Кому не по душе мои порядки, могут убираться ко всем чертям. У доброй половины срок подходит к концу. В контору с заявлением — и пошли вон из казарм! Остальные могут отдать разницу по договору и тоже валить на все четыре стороны. Не стоит рассчитывать на жительство за мой счет. Оно для людей честных и готовых работать. Недовольные всегда могли явиться ко мне прямо и высказать претензии.

Ну, это легкое преувеличение. Все же в последнее время уже не сию постоянно на заводе. Но и они не прикованы цепями к тачкам, станкам и домнам. До моего дома пешком день пути.

— А теперь буду решать. Все, — заявил после паузы, — не желаю вас видеть больше, тем более в рабочее время.

Демонстративно отвернулся, посмотрев на здешнее руководство, собравшееся на экзекуцию. А как же, отвечать за случившееся кто-то непременно обязан. Не за поведение Глэна, а за то, что допустили последующее и до сих пор не навели порядок. Кто хочет, шляется в рабочее время по своим личным надобностям, будто заняться нечем.

Удивительно, но кроме обычного набора директоров и инженеров-практиков еще и Дэвид Хеннесси явился, собствен-

ной персоной. Изначально его выписали как специалиста по изготовлению тигельной стали, самого высококачественного вида литого металла. Из нее делают лучшие бритвы, различные перочинные ножи, лучшие стальные цепочки, часовые пружины и маленькие напильники для часовщиков, а также детали для паровых машин.

В этом году уже изготовлено почти тридцать тысяч фунтов, и спрос продолжает расти, а попутно и доходы. У меня даже имеется грамота, где франкское горное ведомство подтвердило, что сталь, «которую производит фабрикант господин Эймс, имеет качества, не уступающие самой лучшей литейной стали прежних образцов. Кроме того, эта сталь имеет то преимущество, что ее поставки нам могут осуществляться в форме как сваривающейся, так и несваривающейся стали».

Справившись с первоначальной задачей, Дэвид принялся за другие. Как оказалось, он еще в Англии принимал участие в усовершенствовании паровой машины и с удовольствием продолжил работу. Без него мы до сих пор мучились бы, налаживая производство. Ту же печь для выплавки стали он переделывал несколько раз, улучшая. Попутно открыл полезное влияние марганца на сталь и начал добавлять в тигельную шихту окислы, получив новый вид металла. Крайне полезный человек и стоил любых денег. В родном Бирмингеме его откровенно облапошили, обманув с деньгами за паровую машину с шатким цилиндром и еще одну для сверления камней. Изобретатель остался практически нищим, угрожав сбережения на опыты, и был счастлив получить заманчивое предложение.

Вряд ли он понимал, на что решился. Его жена как-то рассказывала мне, что в день свадьбы он отвез ее домой и сказал: «Дорогая, я отлучусь на час в лабораторию, там у меня идет эксперимент». И вернулся только на следующее утро. По крайней мере, здесь он получал все для своих экспериментов и небольшой процент с любого запущенного в производство изделия, став достаточно богатым, чтобы не думать о завтрашнем дне. И открытия принялись валиться как из мешка. Лigno-прядильная машина, ножеточка, сучильная машина для шерсти, даже модель паровой машины на колесах, приведшая в восторг Бэзила, увидевшего автомобиль будущего. Как обычно, из последнего ничего пока серьезного не вышло. Медленно идет и часто ломается.

— Сначала поговорю с Биллом Логардом, — сообщил я для общего сведения, — потом с месье Хеннеси. Остальные — сразу все, на закуску. Очень мне любопытно, что еще происходит на моем заводе столь же занимательного.

— Садись, — сказал месье Эймс, махнув на стул, перебирая бумаги на столе.

Фактически это был его дом-резиденция, но бывал здесь хозяин наездами и ничего не имел против вселения семейства Маккормиков. И все же бесцеремонное ковыряние в чужих вещах покорило Билла.

— Сколько тебе лет? — спросил владелец завода, потянув пару минут.

— Двадцать, — не уловив смысла любопытства, ответил тот с задержкой. — Двадцать первый скоро. — Не этого он ожидал.

— Я познакомился с Глэном, будучи младше, — отпихнув листы, произнес Эймс.

Да он и сейчас ненамного старше, подумал Билл. Чуть за тридцать? Где-то так.

— Он многое знал, и благодаря ему я вступил на путь, по которому иду. Полагаю, я был его единственный друг. И не то чтобы очень стремился к данной роли, но так уж совпало. Судьба. Поэтому имею право высказать мнение, основанное на близком знакомстве. Мой отец говорил: «Есть два типа людей, сынок: те, которые чего-то жаждут, и те, которые добиваются. Мечтатели хотят стать богатыми, но мир не торопится предоставить им их фантазии в реальности. Надо работать, и никак иначе. Много и тяжело. Те, которые добиваются, просто делают это».

Он помолчал, то ли подбирая слова, то ли еще по какой причине.

— Настоящего коммерсанта из Глэна не вышло. Нельзя потребовать научиться играть на скрипке, если у тебя нет слуха. Можно носить ее за человеком с талантом и неплохо жить. А он быть сзади отказывался. У него всегда имелась масса идей, и временами отнюдь не глупых, однако с реализацией выходило отвратительно. Характер, что ли, неподходящий. Не способен был к самостоятельным действиям. Может быть, не дошло смолоду, что деньги так просто не достаются. Для их получения надо не только мозги иметь, но и волю. Ибо везение бывает не столь часто, а спину ломать надо всегда. Какой-

то он всю жизнь был... полупрофессионал. Будучи на вторых ролях, прекрасно выполнял свою работу, но не больше. При этом постоянно рвался играть первую скрипку в оркестре. Иногда казалось, что хотел мне нечто доказать. Свою самостоятельность и успешность.

Он налил себе вина, наполнил и второй стакан, подвинув к слушателю. Билл потянулся и невольно скривился от боли в сломанной руке. Вряд ли кто хотел специально причинить ему боль — мало кто из рабочих знал его в лицо. Вечно в роли помощника на заднем плане. Попало, потому что пытался защищать Глэна. Хорошо, больница рядом. Пока неподвижен, вроде ничего, но стоит шевельнуться...

Они выпили без слов.

— Глэн отвратительно разбирался в людях, — продолжил Ричард после паузы. — Подозреваю, ему на роду было написано помереть от чьих-то рук. Как говорится, если суждено быть повешену, не утонешь. — Эймс сухо рассмеялся. — Торговля обычная его не устраивала. Хотелось сразу и много. Он решил, что работорговля приносит огромные барыши, что чистая правда, и вложил в судно. Казалось бы, чего проще, обратиться к хорошо знакомому капитану. Если не сам, так подскажет, кто не обманет. Но нет, он возжелал все сделать лично. Нанял людей и послал в дальние края, не имея возможности проконтролировать. Естественно, судно вместо прибытия в Альбион отправилось в Новый Амстердам, где команда быстро избавилась от груза, поделив его, и разбежалась. Урок ничему не научил, он снова проделал тот же фокус. На этот раз и сам корабль исчез без следа. Может быть, утонул или был захвачен пиратами. Во всяком случае, доходов он не дождался.

Очень хотелось заявить, что в данном случае вины хозяйской нет и никто не властен над подобными вещами. Любой морской фрахт — это риск. Билл промолчал. Вряд ли Эймс нуждается в возражениях. Тем более что был еще и третий невольничий транспорт, где Маккормик состоял в доле. Капитан просто облапошил его, грубо и нагло, заявив о болезни, унесшей рабов в море. Причем ему это не помешало приобрести новый корабль. Доказать ничего не удалось. Шума поднимать Глэн не стал, но кто выстрелил в спину наглецу, Биллу было хорошо известно. Отнюдь не рыжий: лично Билл это и сделал, по достаточно неопределенному намеку. Прямо Глэн ничего не просил, но оба знали, кто и зачем убил. И почему не стал

обращаться к тому же Ричарду — тоже. Вряд ли кто вообще был в курсе третьей сделки: уж очень не хотел Маккормик сме- ха за спиной. Немалые деньги впустую просадил.

— Потом он нашел этого... Лавуазье. Думаешь, не знаю, чья идея со спичками? Мало того, не особо продажи шли, так еще отравилось несколько человек в мастерской. Не люблю губернатора, но правильно сделал, что запретил. Не стоят человеческие жизни чьих-то доходов. Я тоже деньги люблю, но не до такой же степени, чтобы детей убивать.

Ну это как посмотреть, с каменной физиономией подумал Билл. Индейских — вполне. Да и на заводе всякое случается. Нет, впрямую никому болванку на голову не сбрасывают, что да, то да. И все же хватает и несчастных случаев.

— Ну посадил его Глэн на создание пороха. Поиск новых путей, улучшение добычи селитры и прочее. Замечательно. Опять же огромные богатства можно получить. И чем закон- чилось?

Вот это действительно был страшный случай. Причины взрыва до сих пор толком неизвестны. Трое погибших, пятеро пострадавших. К счастью, Джек отсутствовал, посланный в го- род с поручением. А лаборатория пострадала всерьез. Вместо заметной обещанной прибыли вышло очередное разорение и возмущение живущих по соседству.

Брат уверенно утверждал: опыт проводился с целью про- верки эффективности хлората калия¹, нового соединения, от- крытого Лавуазье. Это была проверка на замену селитры. При- няв массу предосторожностей, он убедился, что использо- вание хлората калия в данном контексте невыгодно. Слишком высокая чувствительность, и взрыв послужил неприятным предупреждением. Относиться легкомысленно к веществу нельзя. При этом он все равно в свободное время продолжал изучать возможности соединения для использования в огне- стрельном оружии.

— Лавуазье был настоящим ученым, — твердо заявил вслух Билл. — Член академии наук, опубликовавший «Элементар- ный курс химии» и «Метод химической номенклатуры», при- чем вторую книгу уже в колониях. Ее приняли в ученых кругах с восторгом.

¹ Речь идет о бертолетовой соли. Правда, химика Бертолле в данном мире не существует.

— Билли, Билли... Я несколько не сомневаюсь в его достижениях. Просто не очень понимаю, какой смысл в замечательных тезисах: «дыхание есть вид медленного горения» или «ничто не создается и ничто не теряется». Для практических целей это не использовать. Есть на свете теории, а существует их реальное применение. Когда-нибудь в будущем... А он хотел всего и сразу, почему-то уверенный, что мир должен относиться к нему особым образом. А людям чхать на любого. Научись продавать свои идеи правильно — и тогда отнесутся иначе. Люди должны увидеть нечто заманчивое, а не иллюзию, в которой не сегодня и даже не завтра, может быть, будет польза. Точно так же, как изумительна идея прокладки канала Эри.

— И чего неправильного? Торговля с Европой определяется течением Гольфстрим. Поэтому колонии и основывались на берегу Атлантического океана. Единственная река, проникающая в глубь континента, — река Святого Лаврентия, но путь по ней преграждает Ниагарский водопад. От притока Гудзона реки Мохок до озера Эри прокопать канал — и это даст Новому Амстердаму доступ к Великим озерам. Кроме снижения транспортных расходов в разы, вырастет население. Поднимутся цены на земли.

— Bravo, — кивнул Эймс с ухмылкой. — Все правильно, особенно про наши с ним территории возле озера и в Де-Труа с окрестностями. Далеко смотрел. Одна маленькая проблемка. Куда ирокезов девать? Они же не согласятся исчезнуть, сделав одолжение!

— Рано или поздно за них возьмутся, — хмуро сказал Билл. — И тогда выиграет тот, кто будет готов.

— Нет. У кого найдутся деньги на этот замечательный и полезный во всех отношениях проект. Вряд ли у одиночки имеется капитал такого размера, чтобы самостоятельно потянуть вложения. Здесь должно участвовать государство, а от Парижа нам не дожидаться. Остается сомнительная по размерам казна колоний.

— Выпуск акций при определенной рекламе и разъяснениях мог бы решить вопрос.

— Может быть, когда-нибудь это и случится. Пока что Глэн так и не смог создать ничего своего. Обычно он удобно устраивался в качестве поставщика и одновременно агента по продаже. И не суть важно, завод или мануфактура, лавка или перевозки. С каждой операции имел свой законный процент.

Разве мне жаль? Но ведь он все норовил доказать, что сумеет вытащить из моего создания, — прозвучало с нажимом, — намного больше. При том в реальном производстве не соображал ничего, видя исключительно цифры. Да, — хмыкнул Эймс, заметив взгляд, — я тоже в металлургии ноль. Максимум могу поработать кузнецом. Поэтому и занимаюсь доступным. Собираю людей, делающих то, о чем не имею понятия. И ищу решения на организационном уровне. Любая задача делится на отдельные шаги, и их нужно предварительно просчитать. Да, без риска все равно не выйдет, но он должен быть оправдан!

В эту эпоху, говорил Глэн, вспомнилось Биллу, можно достигнуть многого. Есть масса возможностей. А сам так и остался пристяжным. Все-таки Ричард прав — это заложено в характере. Кто-то сумеет, другой — нет.

— Мало родить идею, — с нажимом произнес Эймс. — Надо еще ее реализовать. Кадры, взаимоотношения с властями, определить, где возможна польза и имеет ли смысл работать исключительно на ближнюю или дальнюю перспективу. Я два года висел на волоске, вплоть до заложенной плантации. Постройка всего этого, — он ткнул в сторону окна, — дело отнюдь не дешевое. Только в третий вышел на ноль. И сейчас немалую часть прибыли продолжаю вкладывать в модернизацию и расширение производства. Сейчас речь идет об оружейном производстве, и опять затраты.

Он еще налил вина, и Билл машинально взял наполненный стакан, внимательно слушая.

— Я позволяю среднему звену начальников заниматься своим делом, лишь изредка проверяя. Глэн же норовил постоянно держать в страхе и трепете подчиненных, регулярно запугивая. Они и в сортир без его разрешения ходить не смели. При этом изо всех сил надувал щеки, пыжился, ничего толком не имея сказать по делу. Все это понимали и между собой обсуждали. Он это видел и злился, еще больше и чаще устраивая бессмысленные разносы. Мне уже давно на него регулярно стучат, каждый промах учитывая и с превеликим злорадством докладывая.

Нечто такое Глэн подозревал, отчего еще больше бесился. В последнее время его терпеть стало крайне тяжело. Догадывался, что Эймс может в любой момент от него избавиться. Откровенно говоря, не очень Билл понимал, почему тот столько терпел заскоки рыжего. Старое знакомство — не ответ.

Приходилось видеть и по-настоящему жестокого хозяина. Выгнать за серьезную ошибку пинком — это для него нормально. Мог и прибить.

— Собственно, мне прекрасно известно, кто тянул в последние пару лет главный груз на заводе. Через тебя шли основные товарные потоки, приносившие в конечном счете живые деньги. Причем лично тебе он платил не особо много, а процент от всех сделок забирал в свой карман.

— Он очень много сделал для нас с Джеком, — деревянным голосом заявил Билл.

Хотя в реальности после смерти Лавуазье Глэн потерял интерес к брату. Как раз господин Эймс и взял того под крыло. В основном Джек занимался сухой перегонкой угля и использованием полученных при этом различных веществ. Наукой в его работе нынче особо не пахло, зато некие практические результаты точно имелись. Некий газ уже применялся для освещения завода и мануфактур, экономя кучу денег на закупках топлива.

— Да, — подтвердил Ричард, — он дал тебе шанс. Теперь я предлагаю второй. Коммерческий директор Асарко¹ — должность неплохая.

Билл уяснил, что от прочих сделок его отсекают. Как бы и выход товаров с мануфактур не пролетел мимо. Это придется уточнить. Но в его возрасте и данный кусок отнюдь не мал и прост. Придется стараться, и наверняка проверки последуют. Как минимум один из прежних доверенных лиц «сгорел» всерьез, когда выяснилось, что сделка мимо кассы была спровоцирована Эймсом сознательно. Слишком заманчивый куш светил, человек не удержался. Больше с ним никто не захотел иметь дел, и тот впал в нищету, а потом и спился.

— Тебе уже знакомая, и похоже, неплохо освоенная. Постарайся работать в прежнем стиле на пользу предприятию, и в будущем поговорим об участии в прибыли.

— Процент со сделок прежний? — подавшись невольно вперед, уточнил парень.

— Условия стандартные. Все, что сбегрено свыше стандартной стоимости, в твою пользу полпроцента с любой продажи. Также любые поставки на производство ниже опреде-

¹ Американская плавильная и обогатительная компания. American Smelting and Refining Company.

ленной цены при том же качестве — половина суммы лично тебе, вторая — прибыль завода. Ищи за счет оптовых сделок и добрых отношений с заинтересованными. Можно кому и лично в руки подкинуть, но об этом я должен быть в курсе. Впрочем, не мне тебя учить.

— У меня есть замечательный покупатель, — подумав, высказался Билл. Прежде это прошло бы через Глэна и перепала бы ему сущая мелочь. — Военный флот, базирующийся в колониях.

А в перспективе и европейские корабли могут заинтересоваться. На треть дешевле, а по бумагам разницу уполовинить и поделить. Отличный вариант для официальных поставщиков.

— Только придется на лапу дать адмиралам, — сказал вслух, — весьма весомо.

Кораблям требовалось огромное количество железа в виде цепей и якорей. На каждые двадцать тонн водоизмещения корабля считали по одному центнеру веса якоря, то есть для корабля в полторы тысячи тонн нужен был якорь весом около четырех с половиной тонн. Стоимость двухсот тонн чугуна в продаже доходила до ста пятидесяти — ста восьмидесяти фунтов стерлингов. В Англии отпускали по фунту за тонну, да еще перевозка. Он будет реально богат и перестанет зависеть от хозяев! Когда-нибудь уйдет и будет иметь собственную фирму!

— Только имей в виду, — усмехнулся Эймс, — если не все, то достаточно много о делишках моего любезного Глэна я знал. По старому знакомству мог и закрыть на разную мелочь глаза. Ты лучше не пробуй. Да! — крикнул он на слабый стук в дверь. — Ступай, — приказал Биллу при виде робко заглянувшей Жанет. — Чтобы завтра утром у меня на столе было в подробностях все о его компаниях и доходах. Что, где, сколько.

Женщина, конфузясь, вошла, терзая руками передник и глядя в пол. Невыразительно доложила о выполнении приказа. Похороны состоятся с утра и прочее, вплоть до посещения детей и укладывания их спать. Месье Эймс никогда ее не обижал, но в глубине души она его боялась. Если уж Глэн не смел возражать, то ей и вовсе неуместно. Тем более убить ему — что плюнуть. Индейцы были звери, а полковник их тысячами стрелял. Видать, гораздо хуже любого дикаря.

— Я знаю, — выслушав, сказал господин, — Глэн не оставил завещания. По закону ни тебе, ни детям ничего не положено. Но это чушь. Ты получишь причитающееся. Я прослежу.

Она молча поспешно кивнула, не особо представляя, о чем речь. Сожитель был человек небедный, но особняк ему не принадлежал, а на заводе он получал жалованье. Как ей дальше жить, не представляла совсем. До сих пор и не задумывалась.

— Что ты сама хочешь для себя?

— Ферму, — моментально выскочило изо рта. — Молочную. Где-то возле города, чтобы можно было продавать людям молоко, масло и сыр.

— А дети? — странно посмотрев, спросил Ричард.

— Если дела пойдут, у меня хватит их одеть и обуть, а еда всегда найдется.

— Будет тебе ферма, — сказал милорд после паузы. — Обещаю.

Глава 2 ЖИЗНЬ В ПОМЕСТЬЕ

Я потянул повод уже в виду дома, останавливая коня. Жеребец недовольно всхрапнул и пошел боком. Он любил показать характер, а сейчас чуял скорый отдых и кормежку. В первый раз, когда я на него сел, эта скотина попыталась развлечься, покатав меня в непредусмотренном направлении. Внутренности у меня наверняка от скачки поменялись местами, но слез я с него в нужном месте, загоняв. Однако и сейчас, случается, проверяет на уступчивость. Пришлось в очередной раз ткнуть, кто на ком ездит и отдает приказы, силой настояв на своем. Бенджамин Вейн тоже остановил своего мерина. Остальных я оставил на заводе в качестве силы на случай вспышки недовольства. Вряд ли это возможно — когда уезжал, все дружно работали и помалкивали, — но лучше поберечься.

Бен был наиболее старым из моих головорезов, скорее всего, ему за пятьдесят. Лицо в морщинах и седой ежик почти исчезнувших волос на голове. Вечно спокойный, как камень. Ничто не удивляло, на все плевать хотел. Вывести его из себя еще никому не удавалось. Прекрасный наездник и стрелок. При этом убил жену из ревности, отчего дети с ним знаться не желали, вычеркнув из жизни. Ну еще десяток индейцев на войне и несколько повешенных в солдатском лагере и забитых плетью. Поскольку после окончания боевых действий идти не имел куда, охотно согласился на предложение послужить.

Свой собственный палач. С таким же невозмутимым лицом мог прикончить любого. Но по личной инициативе — никогда. Очень полезный человек. И пугать, и использовать.

Я осмотрелся по сторонам, довольный. Вокруг усадьбы раскинулись низкие холмы с травой и оградами. Здесь содержался скот и были пастбища. Чуть дальше от реки холмы постепенно переходили в более высокое предгорье с покрытыми лесом склонами. На очищенной земле с раннего утра пахали. Здесь будут посадки кукурузы и сорго. Ячмень уже поднялся, а клевер и горох всходили, люцерна росла в низинах. Не зря проехал мимо, внимательно осмотрев. Здешние поля были тщательно обработаны и любовно ухожены. Ничто не пропадало зря, все согласно науке о севообороте. Опыт проживания у Сорелей пригодился в полной мере.

Дом находился не в центре принадлежащей семье территории, но был ее главным сооружением. По соседству имелась целая деревня из хозяйственных и жилых построек. Стоит появиться там — и повторится заводская история. Почти сутки разбирался с накопившимися проблемами. Бесперывно сменяли друг друга в кабинете управляющие. Большинство из них умели и знали много больше моего и за это получали неплохие деньги. Но если уж покупал чужие мозги, то и докладывать должны уметь максимально кратко, информативно и по существу, не размазывая, исключая длинные красочные выражения.

Если уж очень хотелось, мог и начать расспрашивать о подробностях, но в разговоре очередному специалисту не стоило колебаться и пытаться уклоняться от принятия решения. Раз уж явился, обязан иметь собственное мнение и все заранее обдумать. Многие считали мое поведение излишне жестким и требовательным, но никого на завод я насильно не тасил и давно имел представление, кто чего стоит. Иному можно и заплатить выше обычной цены, но работает он не для своего удовольствия, а на мой интерес.

Исключение все же имелось. Дэвид Хеннеси мог намертво забыть, чем занимается и по какой причине, переключившись на незапланированное изобретение. В очередной раз его осенило несколько месяцев назад. Может, и к лучшему, что я сидел в столице колонии и был не в курсе происходящего. Непременно попытался бы вправить мозги и потребовал отчета о затраченных средствах. В этом смысле господин изобретатель

нисколько не стеснялся. Вот и сейчас примчался осчастливить известием о создании безопасной шахтерской лампы. Вещь полезная, но не настолько, чтобы забывать о прямых обязанностях. Хотя я давно отчаялся понять его логику и по методу жены стоически терплю, благо уже принес немало пользы и возможно и в будущем много чего придумает. По крайней мере, вещь небесполезная. Отправил в мастерские, разрешив изготовить пробную партию.

В эти дела я не лез, позволив заниматься ими профессионалам. Другое дело поместье. Каждое утро, если не отсутствовал, в любую погоду я отправлялся с утра с деловыми проверками. В конце концов, именно с этой целью за меня и вышла замуж Элизабет, приобретая управляющего.

Начал с изучения производившихся работ и быстро убедился в и так известном на собственной шкуре, что одно личное присутствие хозяина или надсмотрщика с плеткой увеличивает количество выполненных заданий в два-три раза. А стоит отвернуться или уехать, как моментально производительность падает. Торчать над душой все время невозможно, а держать людей в качестве пугала на жалованье накладно. Поэтому программа, озвученная на свадьбе, начала выполняться.

Вначале посадки табака я сократил до минимума, потом и вовсе от них отказался. Землю нарезал на несколько ферм, раздав наиболее подходящим. Конечно, были трудности, приходилось постоянно опекать в первые годы, подсказывая, и даже пригласить парочку специалистов, но в целом вышло удачно. Новоиспеченные фермеры старательно платили оговоренное, опасаясь в одночасье лишиться благодати. Аренда в целом недотягивала до прежних показателей дохода, зато не требовалось следить за рабами постоянно, а через пару лет уже они и сами научились обходиться без хозяйских указаний. Завели себе всяческую живность от коров и свиней до птицы и молились за меня в церкви по воскресеньям.

Им и прежде не возбранялось держать кур и разводить огороды. Рабы, получившие письменное разрешение хозяина, могли пойти в город, чтобы продать на рынке яйца, цыплят или свежие овощи. Однако теперь они дома могли заниматься чем угодно, не спрашивая разрешения и не отчитываясь, и иметь дополнительный источник заработка. Большинство старательно копило на выкуп. Черный кодекс не запрещал таких вещей, но мало кто, помимо профессиональных мастеров, ко-

торых по понятным причинам на плантациях много не бывает, мог этот выкуп собрать.

Между прочим, в прежние времена каждый раб получал набор одежды, которую предстояло носить весь год: шерстяную куртку, штаны, две рубашки, пару чулок и башмаки. Женщинам выдавали нижнюю юбку и сорочку. У некоторых имелся воскресный костюм — темный кафтан с белым жилетом и белыми же штанами. Суточный паек раба состоял из кварты кукурузной муки и селедки из расчета двадцать рыбин в месяц. С барского стола им перепалили остатки мяса, свиные потроха и пахта, оставшаяся от сбивания масла. Теперь они и кормились, и одевались самостоятельно.

Безусловно, не все было столь благобно. Переход от трудоемкой культуры к пшенице высвободил множество рук рабов. Не так просто было выбрать толковых арендаторов. Человек должен был покорным и понятливым, трудолюбивым, усердным и достаточно сообразительным, чтобы не приходилось постоянно разбираться с его сложностями и проблемами. А вот с остальными вышло по-разному. Часть из них отправилась на завод, большинство работало в мастерских в здешнем поселке. Кроме мельницы и кузницы в нем имелись обувная и портняжная, слесарная и столярная мастерские, пекарня и дубильня, пивоварня и винокурный завод. В планах построить мануфактуру для переработки волокна конопли.

Желающих отпустил на оброк, тщательно подсчитав сумму. Сегодня я точно не внакладе, хотя от двоих особого толку нет, а еще трое вернулись и сейчас трудились в мастерских. Еще завел собственный рыбачий флот. В целом почти вдвое перекрыл прежние доходы и освободился почти от всех дополнительных расходов, кроме медицины. Здесь тот же принцип, что и на заводе, хотя больницы не имеется. Есть только очередная бегинка с парочкой малолетних помощниц. И то огромный прогресс. Не требуется в случае чего посылать за доктором в город.

Но не все сумели или захотели измениться. Несколько человек из особо буйных, норовящих сбежать, несмотря на улучшение жизни, или глупых, пришлось безжалостно продать на сторону. Если они сдохли впоследствии, абсолютно не жалко. Шанс я давал всем, но не любой способен измениться.

— Поехали, — сказал, насладившись зрелищем.

Бен невозмутимо последовал за мной. Пейзажи и красоты природы его не трогали абсолютно. Он таких вещей в принципе не понимал.

Стоило въехать в поселок — и обнаружилась пара фургонов очень знакомого вида, у которых вертелись местные дети и несколько женщин. Лавка приехала с доставкой на дом. Они обычно имели определенную раскраску или более-менее прилично изображенные картинки зверей и птиц, что свидетельствовало о принадлежности к определенной семье. Иногда присутствовали знаки, нечто говорящие посвященному. Чужак внимания не обратил бы на дополнительную полосу или орнамент не той формы. Во всяком случае, эти люди определялись с ходу. Рольф Кармоди. Троюродный дядя через тетку. Крайне дальняя родня, но все же не посторонний. Больше года не появлялся.

За пять последних лет в Альбион перебралась добрая дюжина семей пэйви. Приезжали они в лохмотьях, через пару лет уже имели вполне респектабельный вид, фургоны, лошадей. Правильным мастерам было к чему приложить руки — котлы, чаны или противни и ремонт были нужны везде. К таким уже прозвище «котляры» прочно приклеилось.

В качестве торговцев они забирались в такие далекие края, где коммерсанты появлялись последний раз при дедушке тамошнего владельца участка. Существует огромное количество всяческих мелочей от обычных иголок до инструментов, которых на месте не изготовишь, а в хозяйстве весьма ценятся. Когда тебе привозят прямо к порогу и не приходится тащиться вдаль, а цена практически одинакова, понятен выбор. Ну а если вдобавок еще ленты да ткань для женской половины семьи, придется раскапывать ухоронку с серебром, лишь бы потом жена с дочерьми со свету не сжила.

Кое-кто работал на меня, остальные перешли к привычному образу существования, торгуя и ремесленничая по дорогам. Все они приходили сначала представиться, негласно признавая меня здешним главой общества. Официального звания не полагалось, но нечто вроде патриарха. В отличие от нормальных аристократов, я со своих подданных не имел ничего материального. Одно глубокое уважение и необходимость изредка разгрести их проблемы. Не то чтобы очень напрягало, слава богу, пока никого не приходилось отмазывать от казни, но попутно приносили новости иногда из дальних краев.

— А что это у тебя на голове? — спросил я с любопытством, когда Рольф приблизился и почтительно приветствовал.

Ритуал исполнен, можно спешиться и нормально побеседовать.

— Невестка, Эмили сшила, — сказал он, с готовностью сдергивая и протягивая. Если пэйви может нечто продать с прибылью, он с себя и подштанники снимет моментально.

Занятная вещь, ничуть не похожая на привычные. Большинство шляп имело форму высокого цилиндра со скругленными краями, широкими прямыми полями, причем тульи изготавливались без складок. При общем фасоне нередко по одному виду и украшениям определялось, из какой местности и какого достатка владелец. Эта была абсолютно оригинальна, с высокой округлой тульей, вогнутой сверху, и с широкими подогнутыми вверх по бокам полями. Здесь летом всегда жарко. Головной убор просто необходим, а широкие поля дают тень¹.

— Удобно от солнца и водонепроницаемая, — принялся Рольф старательно расхваливать. — Модно защищать голову от дождя, а захочется — и набрать прямо в нее. Не пропускает. Мы дошли до степей на западе. За Ред-Ривер до Рио-Гранде, где испанские владения. Там многие носят сомбреро. Деревьев мало, одна трава и солнце жжет.

— А что, мне нравится. Только уж новую, а не с твоей головы.

— Это можно, — обрадованно заявил дядя и заорал: — Эмили!

— Чего? — ответил недовольный женский голос от фургонов.

— Тащи сюда свои шляпы, покупатель нашелся.

— А чего еще занятного расскажешь?

— О! Много-много всякого, заходи вечером. — И он незаметно для окружающих сунул в руку камешек. — Золото, — сказал очень тихо. Лицо, обросшее седеющей щетиной, очень серьезно, вопреки радостной улыбке, предназначенной для свидетелей.

Возле глаз собрались морщинки в немалом количестве, и смотрит прищурившись. Когда-то зоркие, они стали сдавать.

¹ Речь идет о хорошо известной по фильмам ковбойской шляпе. Она появилась чуть позже, а модной стала далеко не сразу — лет через семьдесят.

Но дело даже не в этом. Прекрасно соображает, насколько рискует. Многим звон драгоценного металла затуманивает разум. Не в том он положении, чтобы ставить жесткие условия и нечто требовать. Стоит мне мигнуть — и все они просто исчезнут в пути, прямо за границей поместья. Но зачем мне это? Наверняка все не так просто, иначе бы не пришел, а потихоньку мыл бы в речке самородки.

— Считается запретной для поселений земля, но фактически есть возле Голубого Хребта¹ колонисты, правда, немного.

Еще бы. Официально он являлся границей между колониями и территорией индейцев. На практике через него частенько ходили в долину Шенандоа. Кто-то и по дороге оставался, хотя не всегда безопасно там находиться мелким группам. Несколько кланов ирокезов, пришедших с севера и вытесненных, любви к бледнолицым не испытывают и при случае охотно разделаются с надоедливymi.

— Стоит пойти слуху, туда хлынут толпы. Будет очередная война, и достанется совсем не нашедшим людям. Сумеешь договориться по-тихому?

Очень сомнительно. Золото не спрячешь и людям ртов не позашьешь. Но насчет остального он безусловно прав. Ко всему Париж не станет ссориться с Мадридом по поводу наглых колонистов. Отдуться потом Новой Галлии и Альбиону.

— Вот, милорд, — протягивая сразу несколько шляп разных цветов и размеров, сказала девушка. Вся из себя такая округлая и крепкая, а мордочка симпатичная. Была бы она не из наших — непременно похлопал бы по заднице.

— Завтра с утра зайду, — отбирая подходящую под «вам ужасно идет» от Эмили, пообещал. Не потому что хочется помариновать и заставить нервничать. Просто дома и дел наверняка хватает. А золото в горах лежит давно, еще маленько останется без присмотра. — Поговорим серьезно.

Проехал дальше, отвечая на приветствия, прямо к конюшне. Там нас встретил вечно неразговорчивый Джонатан. Поскольку на вопрос «все ли в порядке?» пожал плечами, можно считать, все идет в лучшем виде. Моя конюшня считалась благодаря ему одной из лучших в колонии Альбион и обходилась тоже недешево. Положение обязывает помимо верховых лошадей иметь выезд для жены. Когда Элизабет отправлялась в

¹ Это не намек. Блу-Ридж, или Blue Ridge — реальное название.

гости или в столицу колонии, она восседала в элегантном экипаже, запряженном четверкой лошадей. Естественно, кучер, парочка сопровождающих всадников и мальчик для мелких поручений. А еще требовалось несколько хороших коней под собственные нужды, да и охране с прислугой требуется выдавать.

— Посмотри на лошадей, которых Рольф привел, — посоветовал Джонатану. Специально не стал осматривать, чтобы не показывать заинтересованности. На привычных английских скаковых или фламандских грузовых першеронов ничуть не похожи, но мне понравились.

— Уже, — лаконично ответил Джонатан.

— И?

— Некрупные, выносливые, происходят от берберской породы. Такие рождены для жизни в суровых пустынных местностях и приспособились к питанию одной травой. Наверняка могли покрывать огромные расстояния от одного водного источника до другого.

Речь была для него на удивление длинной. Значит, понравились.

— Возьму на развод и для скрещивания трех кобыл и жеребца, — поставил он в известность, как об уже одобренном. Моего мнения и не подумал спрашивать, но в этом отношении я ему полностью доверяю. Сказал — подойдут, значит, так тому и быть.

Стоило выйти из-за угла на дорожку к парадному входу — и со стороны садовника раздался крик-предупреждение:

— Хозяин вернулся!

Если вне усадьбы я был волен творить практически что угодно, отпускать на волю, сдавать рабам землю в аренду или отпускать их на оброк, то в доме царствовала и правила Элизабет. Домашняя прислуга шеголяла в специальных ливреях (неприменно из французского сукна) и подчинялась исключительно ей. Никакой режим экономии на содержание дома не распространялся, тем более что она использовала свои деньги.

Дворецкий, повар и его помощник, посудомойка, водонос, прачка, садовник, три горничных, двое прислуживающих за столом и в комнатах, нянька, она же кормилица, и еще с пяток малолетних, используемых в качестве посыльных и помощальщиков. На рассвете она раздавала задания служанкам. Потом надзирала за уборкой, штопкой и стиркой простыней и одеж-

ды, за изготовлением мыла и свечей. За два часа до обеда сообщала кухарке подробные инструкции насчет блюд и так далее, и так далее, и так далее. Самое удивительное, что все это ей нравилось не меньше, чем посещение модных магазинов и ба-лов. Элизабет была прекрасной и радушной хозяйкой. Она обожала гостей, и те регулярно приезжали, порой задерживаясь на неделю и больше. В таких случаях прислуге хватало забот выше крыши, и зря она не сидела.

— Папа, папа! — вскричала Вики и понеслась с веранды в мою сторону, где сидела с мученическим видом, изображая внимание к очередному воспитательному процессу со стороны матери, потеряв на ходу шляпку и одну из туфелек.

Характер у нее был живым, отнюдь не в чопорных родственников, с детства отученных проявлять искренние эмоции. В этом смысле она пошла в меня, хотя внешне ничуть не похожа. Вечно норовила сбежать из-под присмотра в конюшню или на кухню. Вела себя временами на манер мальчика, лазая по деревьям и постоянно пачкая платье. Я подхватил девочку и подбросил ее в воздух под довольный смех. Восторг Вики мне по сердцу. Готов всегда для нее постараться.

— Виктория! — возмущенно потребовала Элизабет. — Немедленно наденьте шляпку!

Она застыла в позе возмущения, вскочив с кресла в гневе. Я невольно залюбовался. Роды никак не повлияли на ее фигуру, а грудь ребенку давала кормилица. Все та же талия и красивое личико, будто и не прошли годы. На темно-синем фоне платья горел золотой медальон. Внутри миниатюра — малютка Виктория. Дочку жена искренне любила, но страстно желала сделать из нее маленькое подобие себя — хорошо воспитанную и правильно ведущую себя на людях. Я, например, не понимал, почему нельзя играть с другими детьми и обязательно выслушивать чтение всяческих священных текстов. Вполне достаточно церкви по воскресеньям.

— Ричард, — сказала Элизабет грозно, — будь любезен надеть на нее шляпку, не то она загорит так, что не отличишь от прислуги.

И ведь не сказать, что сама блещет белизной кожи. Все же предки из Окситании¹. Может, потому вечно озабочена вопросами загара. А вот дочь в этом смысле пошла в меня. Золоти-

¹ Область на юге Франции и севере Италии.

стые волосы, прозрачная кожа. Когда врет и ее ловят, краснеет и невозможно это скрыть.

Я послушно водрузил Вики на голову свое новое приобретение, отчего вся ее головка скрылась внутри: все же рассчитано на взрослого человека, а не на пятилетнего ребенка. Она вновь счастливо залилась смехом, пытаясь пристроить мою шляпу, чтобы было видно окружающий мир, и придерживая ее для этого за широкие поля.

— Хочу такую же! — заявила Вики.

— Для моей красавицы-дочки непременно достану. Из-за океана выпишу, — пообещал, протягивая руку.

— Папа держит слово, — нахально заявила дочь невесть где подслушанное и, взявшись за пальцы, пошла рядом.

Я старался не делать широких шагов, чтобы ей было удобно. Только возле ступенек подхватил и перенес на руках. Лицо Элизабет, как обычно, выражало крайнее неодобрение.

В принципе мы прекрасно живем. Каждый занят своими делами и особых ссор не случается. Я всегда готов выслушать соображения жены, она меня достаточно уважает, чтобы не лезть в хозяйственные дела и не проверять по мелочи. Тем более что брачный договор скрупулезно выполняю. Добрая треть доходов плантации идет в ее личный карман, и я не вмешиваюсь в траты. Пусть делает что угодно, хоть глупое и расточительное, лишь была бы довольна. Потому и домашние слуги у нас рабы. Но эти и не жалуются: не в поле ковыряться. Хорошо едят, сладко спят и особо над ними не издеваются. Садизма в Элизабет не присутствует, и наказывает она исключительно по справедливости, за нерадение и отлынивание от прямых обязанностей.

Ко всему, с ней можно было говорить достаточно откровенно. Пожаловаться кому-то из знакомых на нелады в очередном проекте — мероприятие более чем сомнительное. Неизвестно, какие выводы последуют. А вот она целиком на моей стороне. Ничто не для общего сведения наружу не выходило. Иногда кроме сочувствия можно было получить и дельный совет, если это касалось семейных связей в колонии. Уж кто кому кем приходится в высшем свете и почему надо обращаться к этому, а не к тому, она прекрасно знала с детства, включая слабости здешних сильных людей.

А вот в вопросе воспитания мы с ней кардинально расходились. Как оказалось, собственных детей носить очень приятно.

Вот уж раньше не подозревал. Но растут они страшно быстро, и уже простой игрушкой очень скоро не отделаться. Или я старею стремительно?

— Через четверть часа обед, — подчеркнуто нейтрально сообщила Элизабет, подставляя щеку для поцелуя.

— Уже иду переодеваться, — тут же согласился. До сих пор на торжественных мероприятиях куска проглотить не в состоянии, не усомнившись, не громко ли стучу ножом и вилкой, не беспокою ли соседа по столу звяканьем стакана. Да и вообще насколько правильно пользуюсь столовыми приборами. Хорошо дома можно чувствовать себя свободно хоть иногда. — И Вики тоже.

— Да, папочка, — кивнула девочка и убежала.

— Как прошло? — спросила Элизабет.

— Настоящего бунта не случилось. Убили Маккормика и сами испугались.

Разбираться пришлось сурово и очень подробно. В первую очередь трести арестованных. Мало кто из них всерьез запирался, и каждый норовил переложить вину на другого. Пришлось сверять рассказы, выясняя истину. Не уверен, что все вышло замечательно: подобного опыта прежде почти не имел. С тяжкими преступлениями в округе, хоть и судья, не особо сталкивался. У нас все больше воруют и физиономии чистят в пьяном виде. Ну, что сделано, того уже не изменить. Трое подстрекателей переданы местному шерифу и без промедления вздернуты на виселице прямо на площади напротив проходной завода в назидание, как только тот ознакомился с показаниями. Еще дюжина подверглась тяжелейшей порке.

Практически каждый из присутствовавшей во время избиения толпы получил немалого размера штраф — может, в другой раз задумаются и не станут смотреть, а попытаются помешать насилию. Тот самый Фреди реально оказался одним из смотревших, но не участвовавших, загребли случайно. Таких с десятков отпустил, велел взыскать, как и с прочих, деньги в наказание. Жена потом пыталась целовать сапог, было крайне неприятно, но специально для всех заявил, что не ради мольбы, а по отсутствию тяжкой вины отпущен придурак. А малая на нем имеется, и расплатиться придется вычетами из жалованья. Фактически ему лишний год вкалывать придется.

— Это плохо, — сказала Элизабет озабоченно, имея в виду Глэна. — Полезный человек был. Где теперь найти такого удобного купи-продаю.

Ну да, особой жалости конкретно к погибшему не имеется, с чего бы ей страдать. Для нее он на уровне слуги. Пойди туда, принеси то и продай продукцию, да непременно с прибылью. Приносящий пользу нужный человек, но ни в коем случае не ровня. Да и виделись они не так чтобы часто и всегда по денежным проблемам. В первые годы я регулярно затыкал дырки в разных предприятиях, беря в одном, переводя в другое. Пару раз в этой роли выступала и плантация. Элизабет в таких случаях получала полный отчет и ни разу не возразила, даже когда пришлось серьезно поджаться и экономить. Все же не стала в позу обиды и вошла в мое положение, доверяя. Когда финансы пошли на лад, по собственной инициативе преподнес несколько дорогуших драгоценностей в подарок. Кажется, мы оба остались довольны. Если не страсть, так дружба в семье присутствует.

— Но, может, оно и к лучшему, — насковзь деловым тоном заявила она. — Давно говорила: не смешивай разные деловые предприятия. Потом разобраться сложно, откуда и что пришло. Земля отдельно, завод и торговля тоже. Пусть у каждого свой управляющий на жалованье — и достаточно.

— Ладно, пойду переодеваться к обеду, уже четвертый час.

— Не забудь, — сказала она быстро, — обязательно требуется на собрание подъехать завтра, раз уж появился.

Как мне это осточертело! Согласно статусу уклониться от состояния в приходском совете местной церкви никак нельзя. Время от времени приходилось еще и на их мероприятиях присутствовать, будто мало иных забот. И вечно жужжат в уши насчет моих работников. Привезенных из Африки рабов положено правильно просвещать и читать им Библию при невозможности посещения церкви. Я даже специально построил церковь в поместье и пригласил пастора: пусть занимается прямыми обязанностями. Так принялись ныть про не посещающих собрания с проповедями. Загоняй-де силой. Да плевать мне на вероисповедание сервентов и наемных мастеров! Если они хорошие трудяги, безразлично, откуда прибыли, хоть из этих... как их... Филиппин. Пусть они будут магометанами, иудеями или язычниками, лишь бы создавали прибыль именно. От их веры мне никакого ущерба. Она не лезет в чужой

карман и не буйнит. Принуждение сделает лицемерами и не добавит желаний трудиться. Напротив, заставит искать пути к уходу.

— Конечно, — смиренно согласился: в таких вопросах с женой не спорю. Семейная жизнь — всегда мелкие уступки, главное в принципиальных вещах не ссориться. Пока удавалось.

Мы сидели у догорающего костра, возле замерших в тени фургонов и лениво жующих лошадей. Большинство семейства отправилось спать. Песни и пляски не для кого устраивать, а с дороги устали. Мне тоже почтения не требовалось, поэтому с легкой душой остался в малой компании, лениво обсуждая всякие мелочи. Рольф не собирался сообщать точного нахождения золота, я — давать опрометчивых обещаний заранее. Неизвестно еще, как повернется будущее. Земли те пока принадлежат индейцам, и вряд ли они обрадуются приходу белых. А драгоценный металл — отнюдь не каменный уголь. Желющих набить карманы будет множество, включая самих работников. Сначала нужно все очень хорошо обдумать и посоветоваться со знакомыми индейцами.

— И как это — лудить? — Любопытство в Вики хлестало через край. Может, и не стоило ее с собой брать: приходилось все время следить, чтобы не лазила по фургонам и не ушиблась. Все же она еще мала самостоятельно носиться по холмам. И так ожидает очередная выволочка от Элизабет, но не взять ее, услышав просьбу, не мог. Слишком редко и недолго бываю дома.

— Вредная работа, — очень серьезно принялась объяснять Эмили.

Она и сама не так давно вышла из детского возраста, но смотрелась совсем иначе. Дорога и тяжелая работа наложили на девушку заметный отпечаток. Но кость у нее широкая, крепкая. Когда-нибудь станет уважаемой матроной, из тех, что сидят в узловых точках путей и служат скрепляющими звеньями родов. Уж очень обстоятельная и знающая. Да и с выдумкой. То шляпы делает, то кастрюли паяет.

— С бачка сначала кислотой снимаем ржавчину. Потом кладем в кислоту цинк, кладем в нее олово, ставим на огонь, оно нагревается, и этим мажем — это мы уже начинаем лудить. Потом промываем бачок от кислоты, чистим его щетками... —

Говоря, она постоянно демонстрировала оттирание песком, прикладывая заметную силу, или, осторожно открывая пузырь рек с кислотой, давала понюхать.

— Разное приходилось слышать о той степи, — сказал я Рольфу лениво.

— Разговоры, — пренебрежительно махнул он рукой. — Невозможно представить, насколько безбрежные просторы. Я и не думал, что такое бывает. В Англии и Франции все кругом распаханно и поделено, а там буквально месяцы можно идти — и пустота. Только дикие животные.

— Бизоны.

— А, — возбужденно вскричал он, — то другое. — На юге есть иное, гораздо более странное и интересное. Наверное, какие-то испанцы потеряли коров, и вроде бы они не скрещивались с бизонами, а сами по себе размножились. Буквально сотни тысяч одичавших бродят по равнинам. Ты же знаешь лонгхорнов¹, выращиваемых на юге кастильцами. Эти точно такие же. У большинства коров и быков размах рогов достигает шести-семи футов, у старого огромного быка-вожака стада рога частенько раскидываются на добрых девять с лишним футов. И человека не считают хозяином. Огромные, легко впадающие в ярость и готовые атаковать подошедшего близко. Запросто подденут на рога, а затем спокойно продолжают щипать травку.

— Ну и что за радость в таких животных?

— Ты не понимаешь. — Рольф в азарте позабыл даже именовать меня уважительно милордом. — Земля там практически бросовая, документы испанские власти выправят моментально. На побережье не пустят, а в глубине степей — как у нас земля Луизианы. Вроде бы принадлежит монархам, а на самом деле никаких властей. Долина Нуэсес плодородна, воды вдоволь. Коровы остаются стадным скотом, хоть сорок раз одичавшие. Любой может наловить сколько угодно и продать их в городах возле моря.

— Если тебя не забодают насмерть и не затопчут, можно ужасно разбогатеть, — скептически поддержал я его. — Все так просто, и никто до тебя не догадался. Хочешь, угадаю? Там водятся многочисленные вооруженные индейцы, почему-то считающие эту территорию своей. С огромным удовольствием тебя прикончат, а вещи присвоят. Потому испанцы и раздают

¹ Длиннорогий (англ.) — порода скота.

легко разрешения селиться, ведь долго там никто не продержится. Непременно заявятся за чужим имуществом. Так, нет?

На самом деле про тамошние земли я слышу не первый раз. Вояжеры забирались иногда очень далеко, а огнестрельное оружие и железные инструменты высоко ценились у любых племен. Более того, Иоахим Рибовски по старой памяти заглядывал иногда, закупая товары. На наших общих трофеях он неплохо развернулся, организовав собственную артель на юге, и не считал нужным утаивать подробности. В отличие от добывающих и выменивающих меха пушных зверей, на севере его деятельность даже поощрялась администрацией Соединенных Королевств. Вооружая индейцев во владениях Католического величества¹, они мешали тамошним испанским поселенцам спокойно жить, создавая угрозу.

— Можно подумать, это нечто новое, — недовольно заявил Рольф.

Подошла и уселась рядом на поспешно подстеленный сюртук Вики, прислонившись спиной ко мне. Вот не помню, чтобы себя так вел в детстве, но я лет с шести был уже почти помощник. Либо возле отца, либо возле старшего брата на подхвате, и постоянно чему-то ненавязчиво учили. Полезному и нужному в хозяйстве. Просто посидеть и по праздникам не очень выходило. Чем старше становился, тем больше обязанностей. Моя девочка даже собственного пони чистит в основном назло матушке. Той не нравится подобное времяпрепровождение ребенка из приличной семьи. А я ничего плохого не вижу. Хоть при необходимости без слуг сумеет обойтись. Запрячь, обиходить. Силенок пока маловато правильно затянуть, но это придет с возрастом. Будет знать лошадей — пригодится.

— В том-то и дело, — сказал я, обнимая дочку, — что нет. Все это уже было и, видимо, будет в дальнейшем. Стоит заключить соглашение с одним племенем — и ты тут же оказываешься в конфронтации с другим. Оказывается, они воюют не первое десятилетие. Исключений не бывает.

Рольф принужденно засмеялся.

— Говорят, раньше равнины были почти пустыми. Лошади у индейцев тоже появились не так давно, наверняка от тех же испанцев. Если продали, сами себе на голову сделали огромные проблемы, но скорее случайно потеряли, как и коров. Прежде

¹ То есть короля Испании и прочих земель. Официальный титул.

они кочевали, перевозя груз на собаках и собственной спине. Псов приходилось кормить добытым мясом. С появлением лошадей выросли расстояния кочевок и дальность охотничьих и грабительских рейдов. Для немена¹ они стали путем к могуществу. Они происходят из шошонов, — продолжил Рольф, — но давно отделились. Сначала заключили союз с родственными по языку ютами, а размножившись, стали властвовать на огромной территории. Но у них, совершенно верно, есть враг, поселившийся на равнинах раньше, — апачи!

Точнее, как говорил Рибовски, их полно, временами отличающихся. Есть паломас, кварталехос, пинксис, карланас, сьерра бланкас, хикарильяс, пелонес и липанс, и вовсе не считают себя одним племенем, хотя и родственными группами. Война идет уже добрых два поколения, и апачи, видимо, проигрывают. Сегодня пришельцы имели огромную империю, которая охватила Великие Равнины от долины Рио-Гранде до речных долин Миссисипи и Миссури, и они смотрели на север и восток как на рынки сбыта, источник получения богатств, союзников и дальнейшего возвышения собственного могущества.

Надо сказать, я почти наверняка один из немногих, имеющих представление о размере территорий и границах вне колоний. Спасибо Бэзилу с его многочисленными рассказами и сомнительными идеями. Иные могут оказаться страшнее оружия. Но не использовать полезное глупо. Специально плачу за сведения и карты. Единственная существующая на сегодняшний день помимо моих выполнена в масштабе 1:2 000 000 экспедицией почти столетней давности. Неудивительно, что карты огромная редкость и многие образованные люди запросто путают реку Миссисипи с Миссури. Даже мои очень приблизительные знания дают лучшее представление, чем это картографическое убожество. Миссисипи почему-то удаляется куда-то на запад, расстояние между южной оконечностью озера Мичиган и ближайшей точкой на реке оказывается в два с лишним раза больше, чем на самом деле.

— Ты ведь нарисовал маршрут? — спросил Рольфа.

Тот замялся.

— Да ладно, — сказал я небрежно, — свои секреты держи сколько угодно. Остальное покажешь, раз договаривались.

¹ Команчи.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ	5
Часть вторая. ПОЛКОВОДЕЦ	148
<i>Эпилог</i>	304